

Карл Кантор. Моцарт социологии⁷

Почему все-таки Александр Зиновьев всегда шагает «не в ногу» с толпой? И как много раз оказывался прав. Такая уж у него планида.

В течение десятилетий он так и остается первопроходцем социальной науки, нарушая традиции, опровергая мировые авторитеты. Он предложил собственное объяснение фундаментальных законов общества. И как никто ранее убедительно показал, как они действуют и в масштабах всего общества, и в его мельчайших клеточках — в научной лаборатории, в заводской или колхозной бригаде. Он открыл закономерности «коммунальное™», из которых выросло как органическое образование и то, что он назвал «русским коммунизмом», аналогов которому не было и нет нигде в мире.

В России он выстрадан историей, дореволюционной классовой структурой общества, общиной, особой ролью всепроникающей бюрократии. Любой общественный и государственный строй Западной Европы мог бы позавидовать крепости, жизнеспособности «русского коммунизма». Он противоположен западной цивилизации.

Почему же Зиновьев написал многотомную трагисатиру на коммунистический строй? Да потому, что в брежневские времена этот строй ускоренно вырождался и перерождался, готовились исподволь предпосылки для последующего падения в «катастрофику» (излюбленное выражение Зиновьева). Он подготовил сатиру на карикатуру, в которую превратили коммунизм, Октябрь, вождей Октября обанкротившиеся и переродившиеся наследники революции! За какие-то полгода, в спешке, и с предосторожностями подпольщика он написал в середине 70-х годов свой роман-эпопею-сатиру-трагедию «Зияющие высоты».

Шедевром ума и остроумия было уже само название. Более емкого, исчерпывающего определения советского общества (особенно брежневской поры) придумать было невозможно. Недодумались. А по свету они пошли гулять в разговорах, в заголовках газетных статей, усугубляя бессмыслицу нашего существования. Например, «Заберемся, наконец, на зияющие высоты» или «Спускаемся с зияющих высот» — это уже во время перестройки.

«Зияющие высоты», которые литературная и социологическая общественность Запада назвала «первой книгой XXI века», не ошиблись. Эта книга перешагнула через головы советских и постсоветских отечественных и зарубежных постмодернистов (с их эклектической мешаниной культур и стилей, деструкцией всего цельного, личностного).

Зиновьев ничего не написал об ужасах ГУЛАГа, как А. Солженицын, но разве он не избрал иной, беспыточный ужас интеллектуально-нравственного существования вне ГУЛАГа, среди благополучных интеллигентов, умных приспособленцев, без которых ГУЛАГ был бы скорее всего невозможен.

Он создал в русской словесности по существу новый жанр и новый стиль литературы — жанр социологического (не социального!) романа и стиль социологического реализма — не социалистического, не сюрреалистического, не психологического, не магического метода, цель которого реалистическое (в смысле истинное) художественное изображение столкновения многообразных социальных типов, сотканых из тончайших волоком социальных законов.

Постмодернизм ныне испускает дух. Люди вновь захотели простого хлеба правды. Вот почему «Зияющие высоты», уже успевшие пережить немногих последователей и среди писа-

⁷ Правда, 29.10.97.

телей, живописцев, историков, вступают первой книгой в XXI век как рассказ о грядущих проблемах и предостережение человечеству, а может быть, как уже и диагноз. В социокультурном смысле новые столетия наступают раньше, чем это следует по календарю. Постсоветская или «посткоммунистическая» эпоха, как ее предпочитают называть, вполне определилась за пятилетие в своих отвратительных чертах и вряд ли она изменится в первые годы XXI века. Все сохранится...

За «Зияющие высоты» Зиновьев получил самую престижную за достижения в социологии премию великого Алексиса де Токвиля.

Ему вернули тогда по решению Горбачева незаконно отнятое у него советское гражданство. Но Зиновьев не поддался всеобщей эйфории. Уже в 1985 году он напечатал серию критических статей, опубликованных через год под общим названием «Горбачевизм». Следом вышла книга с разоблачающим названием «Катастрожка» (1986), в которой он вставал на защиту свергнутого коммунизма, говорил о гибельности для России перехода к «рыночной экономике», к западному парламентаризму, поскольку в России все решает не «рыночная», а «социальная» эффективность. Метили в коммунизм, писал он, а попали в Россию, ибо коммунизм есть, по Зиновьеву, явление специфически русское. Следовательно, без коммунизма и соответствующей ей Советской власти, коммунистической партии (которая на самом деле была не обыкновенной парламентской партией западноевропейского толка, а ядром государства), Россия постепенно превратится в колонию западных держав.

Зиновьев возмущался очернением Октябрьской революции, действительно величайшего события XX века, называл себя, русских людей своего поколения, веривших в ее идеалы, сыновьями и дочерьми Октября. А Зиновьев с негодованием отвергал низкопробную клевету на вождей Октября, Ленина и Сталина, на их учителей Маркса и Энгельса, на которых сам рисовал — на живых и на их памятники — карикатуры.

У колыбели советского, русского коммунизма стояли гиганты, у его брежневского одра — карлики. Хоронили русский коммунизм — пигмеи.

Зиновьев не изменил себе, когда с присущей ему энергией страстно и самоотверженно бросался на вражеские амбразур, защищая коммунистические идеалы от стоявших во главе КПСС предателей. Зиновьев написал карикатуру не на коммунизм (как иногда полагают). Он создал карикатуру на эту живую карикатуру. Но как только издевка над карикатурой была перенесена на оригинал, на то, что было самым дорогим в жизни его и его поколения, рожденного Октябрем, Зиновьев, снова почувствовав себя фронтовиком Отечественной войны, стал яростным защитником коммунизма и России как носительницы его и непримиримым противником капитализации и западнизации родины Октября.

Не кажется ли вам подозрительным, что тот самый Зиновьев, который, выступая до перестройки клеветником, осуждавшим коммунизм, стал теперь, после перестройки, клеветником, потому что он коммунизм оправдывает? Или вы думаете, у него такая страсть ходить в клеветниках? Но в этом кажущемся изменении позиции сохраняется верность радикалу личности, верность принципам, не поддающимся коррозии. Не для того, чтобы вернуть прошлое (героическое и трагическое, прекрасное и ужасное), он осуждает идеи, prostituted нынешним истеблишментом и его оппозицией (в том числе отчасти и коммунистической), — а для того, чтобы отвергнуть гибельный путь России, ведущий ее прямой дорогой в «глобальный человеконик».

Мы закрываем глаза на календарь, на листки, менее долговечные, чем листья октябрьских деревьев: 80—75? Какое это имеет значение! События и личность измеряются не годами, а делами, свершениями, энергией, жизнестойкостью.